

Когда до госпожи Ван дошли эти вести, она едва не лишилась чувств. Лишь твердая рука старой госпожи Цзя-Ши удержала дом от полного хаоса. Не вмешайся матриарх вовремя, слухи наверняка долетели бы до ушей императора, и тогда пиши пропало: это не только погубило бы Юаньчунь, но и навсегда лишило бы всю семью монаршей милости.

Вскоре знатным дамам дома Цзя было дозволено войти во дворец, дабы засвидетельствовать почтение новоиспеченной Достопочтенной и Добродетельной супруге. Юаньчунь восседала на высоком троне, милостиво принимая земные поклоны родственников. Госпожа Ван, прежде изрядно недовольная происходящим, теперь, глядя на дочь, не могла сдержать торжествующей улыбки. Роскошное убранство дворца, мягкие подушки и, главное, почетное звание первой среди четырех главных наложниц — все это тешило ее самолюбие. Пусть государь уже в летах, но кто сказал, что дочь не сможет подарить ему дитя? Родное дитя на императорском ложе — это статус великой вдовствующей супруги в будущем! Тогда она, госпожа Ван, станет бабкой августейшего наследника. В такие минуты она с особой горечью вспоминала, как совсем недавно родичи заперли ее в молельне, заставив терпеть холодные взгляды слуг целый месяц.

«Посмотрим теперь, кто посмеет перечить мне!» — злорадно думала она.

Однако старая госпожа Цзя-Ши всеобщего ликования не разделяла. Она слишком хорошо видела изнанку этих придворных интриг. Затеявая все это, матриарх рассчитывала, что глупость госпожи Ван в конечном счете приведет к браку Юаньчунь с одним из принцев. Кто же знал, что девица окажется в личных покоях самого государя под титулом Достопочтенной и Добродетельной супруги? Как теперь смотреть в глаза императрице? Да, положение царской фаворитки почетно, но когда император отойдет в мир иной... что ждет Юаньчунь? Какая выгода от этого дому Цзя?

С тех пор как покойный наследный принц Ичжун лишился своего статуса, а затем и жизни, амбиции дома Цзя поутихли. В свое время брак с Цинь Кэцин был заключен ради связей с опальной партией покойного наследника, но позже, спасая шкуру и пытаясь уберечь Юаньчунь в недрах гарема, им пришлось пойти на крайние меры и заставить Кэцин умолкнуть навсегда. Теперь становилось ясно: то решение было роковой ошибкой.

Старая госпожа жаждала расспросить внучку наедине, разузнать, как все произошло на самом деле, но случай так и не представился. Глупая госпожа Ван вертелась рядом, без умолку твердя дочери о том, как важно поскорее забеременеть от государя. Разве о таких вещах судачат вслух? Будто у стен дворца нет ушей! Юаньчунь и сама хотела бы спросить совета у бабушки, но в присутствии матери не решалась вымолвить ни слова. Прежде чем им удалось перекинуться хоть парой искренних фраз, слуги императрицы сухо возвестили, что время аудиенции истекло. Дамам дома Цзя ничего не оставалось, кроме как смиренно откланяться и покинуть дворцовые покои.

Императрица была в ярости. Изначально она намеревалась выдать Цзя Юаньчунь за пятого принца, Ту И, в качестве наложницы. Но эта девка умудрилась подстроить «случайную» встречу с императором и прыгнуть к нему в постель! Уже на следующее утро ее пожаловали в

очаровательные наложницы, а спустя считанные дни возвели в ранг супруги, да еще и одарили почетным двойным титулом.

Сама императрица не принадлежала к первому браку государя и заняла свой престол лишь благодаря его личной благосклонности. Ей приходилось неустанно угождать супругу, чтобы сохранять величие и обеспечивать безбедное будущее для одиннадцатого и тринадцатого принцев, Ту Вэя и Ту Сина. Видя, как нежно император относится к Линь Лану, она даже признала Линь Дайю своей названной внучкой, надеясь укрепить связи с домом Линь через их единственных родственников — семейство Цзя. Она лично приблизила к себе Юаньчунь, много лет томившуюся во дворце без внимания, а та отплатила черной неблагодарностью. Пригрела змею на груди! Что ж, если дом Цзя не ценит милости, им придется горько пожалеть о своей дерзости.

За долгие годы подле государя императрица научилась читать его мысли. Раз уж император покровительствовал Линь Лану словно родному внуку, он ни за что не стал бы всерьез приближать к себе Цзя Юаньчунь, которая приходилась юноше сверстницей. Для монарха эта Достопочтенная и Добродетельная супруга была не более чем пустой игрушкой.

И пусть сама императрица не принимала Юаньчунь в расчет, та все же вышла из ее собственного дворца. Теперь обитательницы гарема наверняка станут злословить у нее за спиной, а этого гордая правительница допустить не могла.

Сам Линь Лан давно точил зуб на Глупого тирана Сюэ Паня. Впрочем, жаловаться отцу из-за уличных обид было не в его правилах. Линь Лан поступил изящнее: он просто обмолвился парой слов в кругу столичных золотых мальчиков, намекнув, как сильно его раздражает этот выскочка Сюэ. Желающих выслужиться перед любимцем императора нашлось предостаточно, так что судьба заносчивого глупца была предрешена.

На недавнее празднование дня рождения Цзя Чжэна собралась в основном мелкая сошка — столичная знать третьего и четвертого разрядов. Местные повесы, привыкшие заискивать перед сильными мира сего, сразу смекнули, откуда дует ветер. Защищать Сюэ Паня никто не решился — все предпочли малодушно остаться в стороне.

Правда, без досадных мелочей не обошлось: обо всем прознала Дайюй. В тот день юные приятели Линь Лана наводнили его дом, шумно обсуждая детали расправы. Дайюй как раз гостила у брата. Линь Лан поспешил укрыть сестру в соседней комнате, надеясь быстро выпроводить гостей, но те, не привыкшие держать язык за зубами, выболтали все подробности прямо с порога.

Дайюй никогда не была близка с Сюэ Баочай, но они все же выросли бок о бок. Позволить брату хладнокровно уничтожить семью подруги она не могла.

Изначально Линь Лан планировал лишить Сюэ статуса придворных поставщиков и разом вытащить на свет старое дело об убийстве, чтобы окончательно сгноить мерзавца в тюрьме. Однако под натиском слезных уговоров сестры ему пришлось уступить. Линь Лан так и не

признался, чем именно насолил ему Сюэ Пань, но ради спокойствия Дайюй согласился умерить пыл: торговый патент оставили в покое, ограничившись лишь законным обвинением в душегубстве.

Дайюй рассудила по-своему: раз брат назвал обиду пустяком, негоже лишать людей последнего куска хлеба. Как иначе выживут сестрица Бао и тетушка Сюэ? Но и спускать убийство с рук тоже нельзя — преступник должен понести заслуженное наказание.

Линь Лан лишь молча качал головой на эти девичьи вздохи. Будто не понимал, что, лишившись статуса императорских купцов, они бы по крайней мере избавились от излишнего внимания. Теперь же их дом ждали нескончаемые беды.

Как только дело предали огласке, перепуганная тетушка Сюэ бросилась в ноги к госпоже Ван.

— Сестрица! — рыдала она, заламывая руки. — Он ведь у меня один-единственный! Если с моим Сюэ Панем что-то случится, нам с Баочай тоже не жить!

Госпожа Ван, упоенная недавним триумфом дочери, в последнее время ходила задрав нос и едва замечала людей. Слезная просьба сестры пришлась ей по душе — отличный повод показать свое величие. Она великодушно пообещала немедленно послать весточку во дворец, уверенная, что одного слова Достопочтенной и Добродетельной супруги хватит, дабы замять дело.

Сама Баочай из-за позора брата носа не показывала на улицу, безвыездно оставаясь дома. Когда мать вернулась от госпожи Ван, сияя от гордости, и заявила, что благодаря сестре все уладится, Баочай лишь помрачнела.

— Что с тобой, доченька? — затрепетала тетушка Сюэ. — Не бойся, теперь-то все позади.

Баочай покачала головой:

— Матушка, подумайте сами: брат в столице без году неделя. Кому он мог так насолить? То старое дело никто не вспоминал годами, а тут вдруг стражники, прекрасно зная, кто он такой, бесцеремонно упекли его за решетку. За этим явно стоит кто-то очень влиятельный. Боюсь, заступничество тетушки Ван нам не поможет.

Тетушка Сюэ побледнела:

— Да как же так?.. Кто бы это мог быть?

— Нужно расспросить слуг, — твердо ответила Баочай. — Разузнаем, с кем брат повздорил в последнее время, пойдем к этому человеку, поклонимся в пояс, поднесем дары. Только так можно спасти Сюэ Паня.

Совершенно растерянная тетушка Сюэ послушно созвала дворовых слуг, сопровождавших ее сына. Сама Баочай укрылась за резной ширмой, ловя каждое слово.

Линь Лан и не думал скрывать свое участие, так что имя виновника их бед всплыло почти сразу.

— Ах он мерзавец! — разрыдалась тетушка Сюэ, брызжа слюной от ярости. — Мой мальчик всего лишь сболтнул глупость, а этот выскочка готов сгноить его в темнице! Какое черствое, злобное сердце!

— Матушка, — оборвала ее Баочай из-за ширмы, — сейчас не время сыпать проклятиями. Нужно думать, как вымолить у него прощение.

— Да как к нему подступиться? — всплеснула руками мать. — Когда он жил у нас в усадьбе, мы его почти не видели, а теперь он и подавно на порог не пустит!

Баочай на миг задумалась, а затем мягко произнесла:

— Я знаю, что Линь Лан души не чает в своей сестре. Если я приглашу Дайюй в гости, поговорю с ней по-хорошему и вручу богатые подарки, она наверняка смягчится и замолвит за нас словечко перед братом.

— Доченька моя, — всхлипнула тетушка Сюэ, — неужто тебе придется унижаться перед этой девчонкой?

— Ради спасения брата я готова на все, — тихо ответила Баочай и села писать приглашение, которое тут же отправили в поместье Линь.

Тем временем госпожа Ван развила бурную деятельность. Прикарманив щедрые подношения сестры, она первым делом велела второму брату Ляню отправиться в управу и подкупить судейских, а сама принялась спешно готовиться к поездке во дворец.

Однако Цзя Лянь, успевший за последнее время сблизиться с Линь Ланом, вовсе не горел желанием таскать каштаны из огня для второй ветви семьи. По совету молодого Линя он провернул ловкий трюк: уговорил своего отца, старшего господина Шэ, притвориться тяжелобольным, после чего объявил, что они с женой обязаны неотлучно ухаживать за родителем. Под этим благовидным предлогом они вместе с сестрицей Инчунь спешно перебрались обратно в Восточный флигель, окончательно открестившись от забот госпожи Ван. К тому же Ван Сифэн забеременела и под предлогом заботы о дитя сложила с себя все обязанности по управлению делами поместья Жунго.

Как уверял Линь Лан, некогда великое поместье Жунго давно превратилось в пустую ширму. Стоило взять бразды правления в свои руки, как приходилось тратить собственные сбережения

на латание бесконечных дыр. Цзя Лянь вовремя смекнул, что к чему, и с радостью уступил это сомнительное право госпоже Ван — пусть вторая ветвь сама тонет в этой долговой яме, а они подождут официального раздела имущества. Матриарх Цзя-Ши тоже не возражала: тратить личные припрятанные сокровища ей не хотелось, так что пускай невестка сама крутится как знает. Так вся власть в доме перешла в руки госпожи Ван.

Ввязываться в грязное дело Сюэ Паня Цзя Лянь не собирался, но, прослышав, что за арестом стоит сам Линь Лан, решил лично нанести визит вежливости в поместье Линь. Благо сегодня у молодого господина был выходной.

Встретив гостя, Линь Лан приветливо улыбнулся:

— Какими судьбами, старший двоюродный брат по матери? Неужто дела в лавке уладились так быстро?

К слову, Линь Жухай, видя, что Цзя Лянь парень неглупый и деятельный, недавно помог ему обзавестись собственным делом. Линь Лан, в свою очередь, незаметно оградил его торговлю от любых посягательств со стороны управы и уберег доход от жадных рук родственников из поместья Жунго. За эту щедрость Цзя Лянь был бесконечно благодарен семье Линь и ради них окончательно завязал со своими былыми привычками. Сейчас Линь Жухай как раз подыскивал для него приличную государственную службу.

Пригубив предложенный чай, Цзя Лянь с усмешкой ответил:

— Да какие там дела... Я к тебе по поручению второй тетушки. Насчет Сюэ Паня.

Линь Лан иронично приподнял бровь:

— И кто же прислал тебя — тетушка или сами Сюэ?

— Разумеется, госпожа Ван, — вздохнул Цзя Лянь. — Велела выкупить этого дурня из управы. Вот я и пришел спросить: какова твоя воля?

Линь Лан тонко улыбнулся:

— Полагаю, даже если ты принесешь туда горы золота, ни один чиновник сейчас не посмеет его принять.

— Еще бы, — развел руками гость. — Стоит им узнать, кто заварил эту кашу, как все тут же умывают руки.

— Вот и отлично, — заключил Линь Лан. — Оставь эти деньги себе, брат Лянь. Все равно им

применения не найдется. Будем считать это моим скромным подарком в дорогу. В обиду я его в тюрьме не дам, так что можешь с чистой совестью сказать тетушке, что сделал все возможное.

Цзя Лянь не стал жеманиться и спокойно припрятал векселя на пять тысяч лянов серебра. В этот момент слуга доложил, что Линь Жухай освобожден и ждет их обоих в своем кабинете, чтобы обсудить будущую должность для Цзя Ляня.

Вскоре в поместье Линь доставили изящное приглашение от Баочай. Пробежав его глазами, Дайюй грустно вздохнула.

«Мы ведь никогда не были близки с сестрицей Бао, — подумала она. — Зачем же звать меня так спешно? Верно, матушка Сюэ прознала о руке моего брата в этом деле. Но я уже один раз просила за них Линь Лана, и больше этого делать не стану. Пойди я на эту встречу — слезных уговоров и упреков не избежать, только запутаюсь в их интригах»

Откладывая письмо, Дайюй решила не ввязываться в чужие беды. Она взяла чистый лист и написала вежливый отказ, сославшись на внезапную простуду.

Получив этот ответ, Баочай окончательно пала духом. Она надеялась, что Линь Лан утаил от сестры подробности ареста, но холодный отказ Дайюй ясно давал понять: та обо всем знает и помогать не намерена. Теперь вся надежда оставалась лишь на влияние августейшей сестрицы Юаньчунь.

Спустя несколько дней госпожа Ван вновь получила дозволение войти в дворцовые покои Достопочтенной и Добродетельной супруги.

Сделав глоток из фарфоровой чашки, Юаньчунь устало спросила:

— Матушка, к чему такая спешка? Что стряслось?

— Да пустяки, доченька, — елеиным голосом запела госпожа Ван. — Нам нужна твоя помощь в одном семейном деле. Речь о Сюэ Пане, сыне твоей тетушки Сюэ.

Юаньчунь помрачнела и жестом приказала служанкам удалиться.

— Говорите прямо, матушка, что он натворил?

Госпожа Ван придвинулась ближе и зашептала:

— Да ничего особенного! Повздорил с кем-то из-за девки-служанки, ну и случилось несчастье — зашиб человека насмерть. Но ведь его вины тут нет! Это все проклятый торговец-разбойник виноват, решил нажиться на двух покупателях сразу, вот Сюэ Пань и погорячился...

Юаньчунь нахмурилась:

— Матушка, вы в своем уме? Женщинам из внутреннего двора строго-настрога запрещено вмешиваться в государственные дела! Что я, по-вашему, могу сделать?

— Глупенькая, — отмахнулась госпожа Ван. — Тебе и делать ничего не надо. Достаточно просто шепнуть государю на ушко, когда он придет к тебе. Скажи, мол, дело семейное, пустяковое...

Юаньчунь, хоть и носила высокий титул, видела императора по большим праздникам и даже близко не имела того влияния, какое ей приписывала мать. Но признаться в этом собственному тщеславному родителю было выше ее сил. Она попыталась воззвать к здравому смыслу:

— Тот, кто решился засадить Сюэ Паня за решетку, прекрасно знал о нашей связи. Раз они не побоялись пойти на это, значит, у них за спиной стоит сила куда мощнее дома Цзя.

— Да кого тебе бояться? — рассмеялась госпожа Ван. — Ты теперь первая среди главных супругов государя! Поласкайся к нему, прояви каприз — он и уступит.

Видя, что переубедить ослепленную спесью мать невозможно, Юаньчунь холодно отрезала:

— Мой титул еще слишком свеж, весь гарем только и ждет моей ошибки! Вместо того чтобы оберегать меня, семья с первого же дня вешает на меня свои грязные грехи! Я не стану просить за Сюэ Паня. Разве только вы хотите, чтобы ради спасения этого ничтожества я лишилась своей короны?!

Услышав ледяную решимость в голосе дочери, госпожа Ван поспешно отступила:

— Ну полно, полно... Не сердись. Коль так сложно, я не стану настаивать.

В глубине души она уже решила, что обратится за помощью к своему старшему брату, Ван Цзытэну.

Аудиенция быстро подошла к концу. Несмотря на прошлые взбучки от матриарха, возвышение дочери вновь вернуло госпоже Ван былую спесь. Она ходила по дому королевой, едва достаивая слуг взглядом. Даже супруг, господин Цзя Чжэн, стал заглядывать в ее покои куда чаще прежнего. Вся эта лесть окончательно лишила ее разума, сделав заносчивой и невыносимой для окружающих.